

ВИТЯ КОРОБКОВ

Шумит и грохочет море. На песчаный берег накатываются зелёные волны с белыми гребешками пены. Накатываются и быстро убегают в море. Витя стоит на набережной и следит за волнами. Вот какая огромная набежала, чуть до его ног не докатилась. А за ней ещё одна. Он отскочил назад, достал из сумки карандаш, тетрадку. «Эх, беда, вся тетрадка исписана. Да ничего! Можно рисовать и на обложке».

В воскресенье он долго рассматривал в галерее картины Айвазовского. Николай Степанович Барсамов, художник, заведующий галереей, подошёл к нему, рассказал о картине «Девятый вал».

Он уже раньше смотрел Витины рисунки. Они понравились – велел приносить

новые, показывать ему.

«Как хочется быть настоящим художником!..»

По дороге домой Витя забежал к товарищу.

– Эге! Юра! Ты дома?

– Дома! – раздалось в ответ.

– Будем сегодня записывать?

Они решили вести дневник, записы-

Фашисты прислали за отцом, потребовали, чтобы работал в типографии. Михаил Иванович не хотел идти. Ему пригрозили гестапо.

Расстроенный, он оделся и ушёл посоветоваться с друзьями.

На другой день отец собирался на работу в типографию. Витя укоротительно посмотрел на него.

— Не смотри косо, — отец ласково взглянул на сына. — Так надо. Если мы не будем бороться, нас всех превратят в рабов...

Витя часто ходил по улицам города, как и все мальчишки. Немцы на него не обращали внимания, он выглядел младше своих лет. Витя видел: фашисты угоняли в Германию женщин, детей. Тех, кто оставался, заставляли идти на работу: очищать порт от щебня и железа после бомбёжек, огораживать берег колючей проволокой...

Витя жалел, что он ещё маленький, а то бы он давно уже дрался на фронте с винтовкой в руках или, может быть, строчил

из пулемёта... А сейчас что он мог сделать?

Скоро среди жителей прошёл слух: в горах появились партизаны. Они нападали на фашистов, подкладывали мины — взрывались и летели в пропасть машины.

Витя решил: «Пойду к партизанам!»

В эти дни Витя как-то особенно подружился со своим двоюродным братом Сашей, тоже школьником, вместе носились по городу. Как-то они зашли в дом, где жил Юра, узнать, что с ним. Во дворе немец-денщик ставил самовар. Улучив момент, они вошли в комнату. Там никого не было. На этажерке, рядом с офицерской фуражкой, лежал браунинг. Витя схватил его, кивнул Саше, и они убежали.

Револьвер зарыли в ложбинке в горах. Через несколько дней Витя и Саша напросились помочь солдату разгрузить машину. Солдат даже обещал дать хлеба и сахара. Витя, таская ящики, нащупал в них патроны и набил карманы. Прошло недели три.

Никто с обыском не приходил. Значит, обошлось.

Поздно вечером Витя вырыл браунинг, принёс домой, хотел было спрятать в сених, чтобы при первой возможности уйти в город к партизанам. Постучал в дверь. Открыла соседка, врач Нина Сергеевна. Пришлось с браунингом и патронами в кармане идти в комнату. У печурки сидели отец и незнакомый человек.

— Вот мой сын, — сказал отец. — Парень ловкий. Умный.

Витя улыбнулся. Никогда отец его так не хвалил.

Человек стал спрашивать Витю, не заметил ли он, где стоят немцы, их машины, орудия. Не может ли Витя узнать, где расположился штаб.

— А я и так знаю, — сказал Витя. — В Качмарском переулке стоит штаб. Там много фашистов.

— Вот что... — сказал незнакомец, — нужны точные данные. Понял? Точные.

— Понял, — тихо ответил Витя и встал. Сердце его прыгало. Витя не знал, что это был разведчик фронта Николай Александрович Козлов, но чувствовал, что это свой человек и ему надо помогать.

— И вот что ещё... Ты меня не видел и не знаешь. — И обратился к Михаилу Ивановичу: — Нужны пропуска.

— Отпечатаем, — ответил отец, — лишь бы образец достать.

— Зови меня дядя Коля, — сказал незнакомец и стукнул по оттопыренному карману Вити: — Оружие отдай. Твоё дело другое.

— Понял, — волнуясь, ответил Витя. — Я к партизанам хотел уходить.

— Ты здесь нужен. Комсомолец?

— Не успел ещё. Пионер только.

— Это тоже хорошо. Значит, мы договорились. И ещё — записывать нельзя. Запоминай. Меня не ищи — сам тебя найду. Действуй, брат, служи Советскому Союзу.

— Служу Советскому Союзу! — с гордостью повторил Витя. Глаза его сияли.

Целыми днями теперь Витя разгуливал по улицам сначала с Сашей, потом один. Смотрел, где размещаются войска, где

живут генералы, офицеры. Подходил к солдатам, здоровался по-немецки, дурачился, выпрашивал новые слова, прислушивался к разговорам... А сам хорошо запоминал, какие орудия разгружают в порту с кораблей, сколько танков, зениток.

Несколько дней Витя крутился возле дальнего поста, где часовой отбирал пропуска у выходящих из города. Нужно было достать образец. Случай помог ему. Ветер вырвал из рук часового пропуск. Витя незаметно наступил на него ногой. Выбрал момент, поднял и убежал.

Уже два года в Феодосии фашисты. На улицах облавы. В домах обыски, аресты. Совхоз «Красный» за городом превратился в лагерь смерти. Враги лютовали.

За отцом Вити начали следить. Его вызывали на допрос, требовали, чтоб сказал, кто печатает листовки. Коробковы решили: надо уходить из города. Виктория Карповна уйдёт в деревню Субаш, а Витя с отцом — к партизанам.

Витя достал свой пионерский галстук, спрятал его под рубашкой. Перед уходом ещё раз прошёл по городу.

Над разрушенной стеной свесились широкие ветви разросшегося орехового дерева. Витя постоял, посмотрел. Никого вокруг не было. Отважная мысль пришла ему в голову. Он взбежал по развалинам стены, добрался до дерева, по ветвям залез на самую вершину и привязал там пионерский галстук.

Витя спрыгнул, отошёл далеко, до самого конца улицы, и обернулся. В лучах заходящего солнца бился на ветру красный галстук.

«Люди порадуются», — подумал он с гордостью.

Через два дня Витя с отцом были у партизан.

— Коробков Михаил Иванович и Коробков Виктор зачисляются разведчиками штаба третьей бригады Восточного соединения партизан Крыма,

— объявил комбриг Куликовский. И добавил: — Вольно!

Наступила осень с дождями, ветром. Печурка быстро выстывала.

Люди мёрзли. Спали все вместе, чтобы согреться. Иногда под горой зажигали костёр, сушили одежду. Партизаны выходили на дорогу, уничтожали вражеских солдат, орудия, машины.

Витя просил Куликовского посылать его с партизанами в дозор, на посты.

— Тебя ждёт другое дело, — говорил Куликовский. — Ты пока изучай местность, все дороги, все тропки, откуда идут и куда. Местность у нас пречудесная — горы, овраги, обрывы.

Вот и задание. Витя идёт в деревню Бараколь. Медленно, будто гуляет.

Вот часовой. А там ещё один. Надо запомнить.

Витя спокойно входит в деревню, идёт по улице. Машина стоит. А во дворе солдаты. Витя вбегает в соседний двор, там валяется обруч, хватает его и гонит по улице. Пусть смотрят солдаты. Он просто играет.

— Тётя Поля в Бараколе пирожки печёт, пирожки печёт... — напевает Витя и весело бежит за обручем.

Солдатская кухня. Деревенские ребята стоят поодаль. Голодные. А здесь так вкусно пахнет!

Витя заглядывает во двор. Тут много солдат. Он стоит и считает. Фашисты прогоняют детей. За воротами — танки. Сколько их? Он снова заглядывает во двор. Перед ним немец.

— Их вилль эссен... Я хочу кушать, — говорит ему Витя.

— Но! — кричит тот и смотрит на Витю светлыми глазами с белыми ресницами. Витя катит обруч дальше по улице.

— Тётя Поля в Бараколе весело живёт... Пулемётное гнездо. Орудие. Одно, два. А вот ещё одно. Не сбиться бы. Белобрысый идёт за ним. Надо бежать. Не раздумывая, Витя бросается в ближайшую хату.

Бледная женщина

удивлённо смотрит на Витю.

— Тётя! Тётя! — спешит сказать Витя, пока не вошёл белобрысый. — Бабушка моя не пришла ещё? Скажите, не пришла моя бабушка?

Немец уже вошёл. Не обращая на него внимания, женщина подходит к Вите и больно бьёт его по спине.

— «Бабушка!» Я тебе дам «бабушка»! Куда обруч дел? Не знаешь, что ли, мне обруч на бочку нужен.

— Да что вы? — говорит мальчик, а женщина колотит его по спине. Потом подымает глаза на немца:

— Видите, пан, какой озорной. Схватил обруч и побежал. А мне его на бочку надо. А теперь «бабушка, бабушка»...

И, неожиданно рассмеявшись, говорит Вите:

— Кашу будешь есть, шалопут? — и обращается к немцу: — Садитесь, пан.

Немец берёт под козырёк и уходит.

— Ешь, глупый, ешь! — шепчет женщина. — Откуда ты взялся? Каждого чужого хватают, не знаешь, что ли? Я тебя специально била, чтобы немец подумал, что ты мой племянник.

Витя молча глотает холодную кашу.

— Вот и мой такой, только постарше. Где он теперь, кто его знает... Ну, иди скорей. Кто спросит, скажи: приходил к тётке из города...

На следующий день партизаны двинулись к селу Бараколь. Впереди, рядом с комбригом, шёл Витя.

Партизаны уничтожили орудия, танки. Фашисты в Бараколе были разгромлены.

Новое задание. Разведка в деревне Эйсерес. Витя был вместе с большим отцом. Им удалось всё разузнать: и о количестве войск, и об их орудиях. Теперь надо скорей уходить. Как нарочно, в тот вечер на улицах было много солдат.

Витя, может быть, и сумел бы незамеченным ускользнуть из деревни, но Михаил Иванович едва шёл, его шатало. Вряд ли он смог бы, не обратив на себя внимания, выйти в поле.

И Витя придумал, как быть. Он вынул гармошку и, подойдя к группе солдат, стал наигрывать немецкую песенку. Он фальшивил, немецкий солдат начал подпевать, поправляя его, к нему присоединились и другие. Витю окружили. Он заиграл «Катюшу». Витя тянул время, чтобы дать уйти отцу. Он переходил от одной песенки к другой. Из хат выходили крестьяне, стояли, слушали.

И вдруг Витя заиграл:

– По военной дороге

Шёл в борьбе и тревоге

Боевой восемнадцатый год...

Он видел, как стали приближаться женщины, подростки: из дома вышел старик и смотрел на Витю влюблёнными глазами. Какая-то девушка, нагнувшись на глаза платок, беззвучно плакала. Немцы переглядывались.

Витя встревожился. Он резко перешёл на плясовую, сначала немножко притоптывал, потом махнул рукой, вроде ему надоело играть, и, посвистывая, побрёл по улице. Становилось темно. Он легко вышел из деревни, догнал отца.

Михаил Иванович не смог повести партизан на Эйсерес. Он был совсем болен. Это сделал Витя.

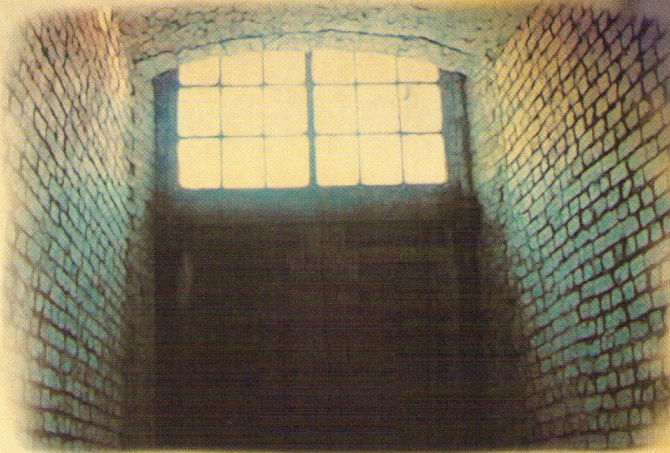
Почти вся группа фашистов в Эйсересе была уничтожена.

Партизанам предстояло менять стоянку. Отцу Коробкову надо было отлежаться в тепле. Вите пришлось вместе с отцом вернуться в Феодосию.

Город казался мёртвым. Так мало осталось там людей. Возле базара стояло несколько человек, они что-то обменивали на продукты. Коробкову показалось, что на него глянули чьи-то недобрые глаза, он не заметил чьи, человек отвернулся. На другой день Коробковых арестовали.

Сквозь маленькое запылённое окошечко камеры, едва пробивается свет. Недавно здесь было несколько человек. Их увели.

Теперь осталось двое — Витя Коробков и Валя Ковтун. Он немного старше

Вити, ему очень страшно: попал в облаву, его схватили. Он успел расклеить листовки, у него ничего не нашли, но всё равно страшно...

Что с отцом, Витя не знает.

Вчера допрашивали. Немецкий лейтенант, сидя за столом, что-то сказал типу с хлыстом. Тот двинулся к Вите, крикнул:

– Партизан? Признавайся! Из леса пришёл! Хочешь жив остаться, говори.

– Не был в лесу.

– Отец твой сказал, что были.

– Не мог сказать. Мы в деревне были.

– Врёшь! – он взмахнул рукой раз, другой, его хлыст выжег рубцы на шее и плечах...

Лицо Вити побелело от боли. Он вытянулся во весь рост.

– Ничего не знаю, ничего не скажу! – с хрипом крикнул Витя и до боли закусил губы.

Его бросили снова в камеру. Витя прикладывает свои замёрзшие руки к шее, где горят рубцы.

«Они думают, что нас покорят, что мы будем кланяться им, как рабы. Не выйдет!..»

Уткнувшись подбородком в колени, он тяжело вздыхает...

Четвёртое марта 1944 года – день рождения Вити, ему пятнадцать лет.

Мать принесла два узелка – отцу и сыну: всё, что могла достать – сухари и селёдку. Берут только один узелок.

– Михаила Ивановича Коробкова

здесь нет. Его отправили в Симферополь.

Молчание наступает у тюрьмы. Все знают: так говорят, когда человека больше нет.

Партизаны выведали, кто предал Коробковых, кто был тот враг, что встретил их у базара. Предателя приговорили к смерти.

— Когда кончится война и прогонят фашистов, я тогда напишу картину, как мы с тобой, Валька, сидели тут в тюрьме. Всё как есть напишу. Сидишь ты тут белый, как стена, и глаза у тебя такие, что смотреть в них больно. А тут я стою и говорю тебе: не печалься, Валя, наша жизнь впереди. Вот увидишь, я вправду такую картину напишу. И море буду писать, и горы буду писать, наши горы, и небо...

За стеной слышна беготня, чьи-то стоны.

— Виктор Коробков!!!

— Опять, — тоскливо шепчет Витя, встаёт и сразу твёрдым шагом идёт за часовым.

Вале тяжело и страшно. Что они делают с Витей? За что его так мучают? Валя долго ждёт. Потом засыпает и плачет во сне.

Когда он просыпается, Витя сидит на холодном полу, вытянув ноги.

— Что ты? — спрашивает Валя. — Били?

Витя молчит. Валя поднимает его с пола, сажает на нары.

— Что с тобой делали?

Витя глубоко вздыхает:

— Стреляли.

— В тебя?

— Вроде в меня... В стенку над головой. На меня аж штукатурка сыпалась... Ты не думай, я не боялся. Фашист спросил: «Покажешь, где партизаны?» Я говорю: «Хоть стреляйте, не скажу ничего». Фашист закричал: «Встань к стенке!» Я стал. Я стоял хорошо. Не моргал. Думал, всё равно, пусть стреляют. Лучше умру.

Витя как будто

куда-то проваливается, долго молчит...

— Дай глотнуть воды.

— Гады! Гады! — волнуется Валя, подносит кружку.

— Ничего. Ты спи. Разве они люди? Говорят: отца твоего расстреляли, и тебя расстреляем. Эх, выйти бы! Я им ещё не так... Пусть не думают, что нас можно покорить. Я им всё равно не дамся...

Девятого марта в камеру вошёл офицер. Было шесть часов вечера. В это время на допросы не водили. В камере было много народу, накануне привезли новых арестованных. Все молча поднимались, тяжело смотрели на офицера.

— Не выходи! — закричал Валя. Витя встал, улыбнулся ему.

— Когда выйдешь, — сказал Витя, — найди маму, передай: я умер за Родину!

Он медленно распахивал и запахивал полы своей курточки, раздумывая, что ещё надо сказать, но больше ничего не мог придумать.

В этот день Витю расстреляли фашисты. Так погиб настоящий герой, который под пытками не предал своих товарищей. Витя любил свою Родину и, не задумываясь, отдал за неё свою жизнь.

Вечная ему память!

